

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА ГРАЖДАН К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ"

Михаил Шишкин,
студент Московского государственного лингвистического университета

Два закона о доступе к информации: опыт сравнительного анализа

В своем сообщении я хотел бы провести небольшой сравнительный анализ закона Земли Бранденбург "Об ознакомлении с официальными документами и доступе к информации" и проекта российского Федерального закона "О праве на доступ к информации".

Первое, что я хотел бы подчеркнуть в этой связи, закон "Об ознакомлении с официальными документами и доступе к информации" по общему правилу не распространяет свое действие на другие федеральные земли Германии, кроме Земли Бранденбург, но он приобретает силу в других землях в случае, если требуемая информация касается исключительно федеральной Земли Бранденбург. Российский же закон является законом федерального уровня, действующим на всей территории России.

Другое немаловажное отличие этих законов в том, что российский закон содержит в себе довольно четкий перечень уполномоченных на получение информации субъектов. В немецком же законе аналогичного по конкретности перечня нет, его заменяет неопределенное местоимение "jeder" (каждый). По мнению немецкого коллеги г-на Райнера Кнайфеля–Хаверкампа, субъектом действия этого закона является любой человек, в том числе и иностранец.

Очень серьезное расхождение в анализируемых законах по поводу определения понятия "официальный документ". Согласно немецкому закону, "официальными документами являются все документы, зафиксированные в письменной, оптической, акустической форме, электронным или каким–либо другим способом, если они служат исключительно государственным интересам или ведомственным целям". Согласно же определению российского закона, "официальным документом является документ, созданный органом, организацией, должностным лицом в пределах своих полномочий и удостоверенный в установленном порядке". Получается, что немецкому закону важны два аспекта: способ фиксации и цель. В проекте же отечественного закона на первый план выносятся официальное лицо, орган или организация в пределах своих полномочий, которое является источником официального документа.

Согласно немецкому закону, союзы и гражданские инициативы могут реализовать свои права на получение информации только через соответствующий запрос правления или своего полномочного представителя. В проекте российского закона этот аспект специально не оговорен, и любой член какого–либо союза может реализовать право на получение информации от лица этого союза, специально не оформляя полномочия представителя.

В немецком законе присутствуют, на мой взгляд, несколько спорных положений. Так, в нем говорится, что запрос на ознакомление с официальными документами может быть отклонен, если этим запросом наносится значительный вред надлежащему выполнению задач государственной инстанции. Но в самом законе нет пояснений того,

что понимается под "значительным вредом", а ведь данное понятие может иметь самые различные толкования. Кроме того, там же присутствует оговорка, звучащая так: "...разве только интерес к ознакомлению в данном случае преобладает над государственными интересами". Но опять же, отсутствует четкое и ясное пояснение, как в каждом конкретном случае определить: перевешивает или не перевешивает в данном случае общественный интерес интерес государственный. Правда, существует некий намек на способ разрешения этой дилеммы: в законе сказано, что в случае отказа решение может быть обжаловано в судебном порядке.

На мой взгляд, основные отличия этих двух законов можно объяснить двумя факторами: первый – немецкая правовая система, регулирующая деятельность СМИ, намного старше российской и имеет уже опыт в тех областях, которые в России еще не регулируются законодательно. Второй фактор – это очень сильное различие двух языков: немецкого и русского, что определяющим образом влияет на используемые формулировки и определения.